

АЗБУКА ВЕРЫ

Ермолай-Еразм

Повесть о Петре и Февронии - Ермолай-Еразм

Художественная литература 2020

Повесть о Петре и Февронии - Ермолай-Еразм

Ермолай-Еразм

Оглавление

[Вступление](#)

[Повесть о Петре и Февронии Муромских](#)

[Повесть о рязанском епископе Василии](#)

[Правительница](#)

Вступление

Ермолай-Еразм — выдающийся русский писатель и публицист. Литературное творчество его относится к 40—60-м гг. XVI в. В 40-е гг. был священником в Пскове, затем служил протопопом дворцового собора Спаса на Бору в Москве. В 60-х гг. постригся в монахи под именем Еразма. В своих произведениях называл себя «прегрешным». В настоящее время известно значительное число произведений, принадлежащих этому писателю.

Расцвет писательской деятельности Ермолая-Еразма падает на середину века, именно в это время им был написан трактат, известный под названием «Благохотящим царем правительница и землемерие» (в первой редакции озаглавлен — «Аще восхотят, царем правительница и землемѣрие»), который был направлен царю с предложением проведения социальных реформ. В нем изложен проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «Правительницы», безусловно, сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благосостояния общества. По его мнению, крестьянство, притесняемое боярством, терпит непосильные лишения. Ермолай предложил заменить все виды повинности, лежащие на крестьянстве, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Введение такой реформы действительно облегчило бы тяготы крестьянства.

Позиция сочувственного отношения Ермолая к крестьянству тесно связана с идеей гуманности, проводимой им в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в его сочинениях назидательного содержания.

Эти идеи, глубоко волновавшие Ермолая, нашли свое полное и гармоничное выражение в «Повести о Петре и Февронии Муромских». Видимо, в связи с соборами 1547 и 1549 гг. от лица митрополита Макария Ермолаю было сделано предложение написать агиографические сочинения, посвященные муромским святым. Действительно, Петр и Феврония, канонизированные на соборе 1547 г., в заглавии повести названы «новыми чудотворцами». Содержание «Повести о рязанском епископе Василии», написанной тоже Ермолаем, было использовано в житии муромского князя Константина и его сыновей, канонизированных на соборе 1549 г. Источниками для этих двух произведений Ермолая послужили муромские легенды. «Повесть о епископе Василии» написана предельно сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали его не разработаны. Совершенства в разработке сюжета (ясность в передаче главной мысли, конкретность деталей, четкость диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, композиционная завершенность) Ермолай-Еразм достиг в «Повести о Петре и Февронии». Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника,

более всего связанного с жанром новеллистической сказки. На Ермолая-Еразма такое сильное влияние оказало народное предание о муромском князе и его жене, что он, хорошо образованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, создал произведение, по существу не имеющее ничего общего с житийным жанром. Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это же время создавалась в писательском кругу митрополита Макария, к которому, собственно, принадлежал и Ермолай-Еразм. «Повесть о Петре и Февронии» резко отличается от житий, написанных в это время и включенных в Великие Минеи Четьи, она выделяется на их фоне и не имеет ничего общего с их стилем. К ней, скорее, можно найти параллели в повествовательной литературе второй половины XV в., построенной на новеллистических сюжетах («Повесть о Дмитрие Басарге», «Повесть о Дракуле»).

В «Повести о Петре и Февронии» рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всесильных бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Ермолая-Еразма, нашли наиболее полное и цельное выражение именно в этом произведении. Сюжет «Повести» построен на активных действиях двух противостоящих сторон, и только благодаря личным качествам героини она выходит победительницей. Ум, благородство и кротость помогают Февронии преодолеть все враждебные действия ее сильных противников. В каждой конфликтной ситуации высокое человеческое достоинство крестьянки противопоставляется низкому и корыстному поведению ее высокородных противников. Ермолай-Еразм не был связан с каким-либо реформационно-гуманистическим течением, но высказываемые в этом произведении мысли о значении ума и защите человеческого достоинства созвучны с идеями гуманистов. «Повесть о Петре и Февронии» является одним из шедевров древнерусской повествовательной литературы, и имя автора ее должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья.

Тексты издаются по сборнику — автографу Ермолая-Еразма: РНБ, Соловецкое собр., № 287/307.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Повесть о житии новых муромских святых чудотворцев благоверного, и преподобного, и достойного похвалы князя Петра, названного во иночестве Давидом, и супруги его, благоверной и преподобной и достойной похвалы княгини Февронии, названной во иночестве Ефросинией

Благослови, Отче. Слава Богу Отцу и вечно сущему слову Божию — Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому и безначальному Божию естеству, воедино в Троице воспеваемому, и восхваляемому, и прославляемому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим, создателю и творцу невидимому и неопisanному, изначала по своей воле своею премудростию все свершающему, и создающему, и просвещающему, и прославляющему тех, кого изберет по своей воле, ибо прежде сотворил он ангелов своих на небесах, духов и слуг своих, огонь палящий, чины мысленные, бестелесное воинство, силу которого нельзя описать, и все невидимое сотворил, что непостижимо уму человеческому, сотворил и видимые небесные стихии: солнце, и луну, и звезды, а на земле же издревле создал человека по своему образу и подобные своему трехсолнечному Божеству три качества даровал ему: разум, ибо Он отец слова, и слово исходит от него, посылаемое, словно сын, на котором почиет дух, потому что уста каждого человека слов без духа произвести не могут, но слово с духом исходит, а разум руководит.

Да закончим слово о сути человеческой и возвратимся к тому, о чем начали речь.

Бог же, не имеющий начала, создав человека, оказал почет ему — над всем, что существует на земле, поставил царем и, любя в человеческом роде всех праведников, грешников же прощая, захотел всех спасти и привести в истинный разум. И когда с Отчего благословения, по своей воле и с помощью святого Духа один из Троицы — Сын Божий не кто иной, как Бог, слово, Сын отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от пречистой девы Марии, то и стал человеком, не изменив Божества своего; и, хотя по земле ходил, от отчих недр вовсе не отлучился. И в мучениях божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрастие это его несказуемо, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что все создано им самим; и в творениях его есть бесстрастие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут рубить, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает.

Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, создатель же и творец этого словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искупив нас у владыки мира дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо выкуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, господь наш Иисус Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел справа от Отца, и на пятидесятый день послал от Отца Духа святого на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто в Христа крестились, во Христа облеклись. А если во Христа облеклись, пусть не отступают от заповедей его, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди Божий и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благодати, пребывая в Духе святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные, которыми землю осветил, как небо украсил звездами, почтил их даром чудотворения — одних ради молитв, и покаяния, и трудов, других же — твердости ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом, в котором правил, как рассказывают, благоверный князь по имени Павел. Но дьявол, испокон веку ненавидящий благо человеческого рода, послал жене князя на блудное дело злого крылатого змея. Он являлся ей в видениях таким, каким был по своей природе, а посторонним людям казалось, что это сам князь с женою своею сидит. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила

она: пусть так и будет.

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему то, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал виновника смерти своей его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смутило его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежал меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из приближенных брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» А тот человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, авось, с Божьей помощью убит будет лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпами, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И искал он у многих врачей от своего недуга исцеление, но ни у кого не нашел.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой

болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И вошел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги на покойников глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимы плакать, про брата же сказала — “сквозь ноги на покойников смотрит”. И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это есть у горницы очи. А что сказала тебе про отца и мать, и про брата, что отец мой и мать моя пошли взаимы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаимы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги на покойников глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. От своей болезни искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имени, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь взял твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может взять моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю

дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит, как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею квасу, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и повелел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка, и дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божиих заповедей.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем, как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, путь будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит, куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, лишая святую Божьего дара, который Бог обещал ей сохранить и после смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи, куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что если не будет князя Петра, то поставят другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что, если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: достояние свое к навозу приравнял, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с вожделением. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, забыв о своей жене, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром пророчливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженя отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его воткнул маленькие кольца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвою.

И вот, когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемники. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Не долго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божий в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного

камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии, пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом, которому подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом вся слава, честь и поклонение ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Повесть о рязанском епископе Василии

О городе Муроме и о епископии его, как перешла она в Рязань

Слышал я от неких, рассказывавших древние сказания о городе Муроме, что в стародавние времена был он основан не там, где ныне стоит, но находился в ином месте в той же области, на расстоянии от нынешнего города немало. Сказание же о нем говорит, что был это преславный город в Российской земле в древние времена. По прошествии же многих лет пришел он в разорение и запустение, потом минуло еще много времени, и был он перенесен на иное место, на окраину той же области, и поставлен там, где и ныне стоит.

Во времена правления в Киеве и во всей Русской земле превеликого, святого и равноапостольного князя Владимира, когда пришло ему время разделить между детьми своими

города — кому каким владеть, то одному из сыновей своих, святому Борису, передал он город в Российской земле Ростов, а другому сыну, святому Глебу, — город Муром. Из этих городов и пошли они на страдание ради Христа, и святость их познана была праведными людьми, и стали прославляться они во святых церквах. И в тех городах, где княжили они, были поставлены епископы, и назывались те епископы местными епископами святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Со временем два князя, родные братья, из того же рода святого превеликого князя Владимира начали управлять городами: старший — городом Муромом, младший же — Рязанью.

В некие времена был в городе Муроме епископом праведный Василий. Дьявол же, древний погубитель душ человеческих, не в силах терпеть праведной жизни этого епископа, начал ему вредить так, чтобы представить его блудником. И вот, преображаясь в девицу, показывался он из дома епископа — то выглядывал в окно, то выходил из епископского дома. Видя такое, многие жители города и городские вельможи впали в обман — поверили этому. И вот пришли в дом епископа, чтобы ради вины такой прогнать его из епископии.

Тогда епископ взял икону с изображением предвечного младенца Христа с Богородицей — на икону же эту имел он великую надежду о спасении своем — и пошел с епископского двора. Его проводили до реки Оки и хотели дать ему небольшую ладью, чтобы он мог уплыть. Он же, стоя на берегу, снял мантию и, разостлав ее по воде, встал на нее, держа в руках образ с Христом и Богородицей, и сразу же бурным порывом ветра понесло его против течения, вверх по реке. Рассказывают, что случилось это на третьем часу дня, а в девятом часу того же дня примчало его в то место, которое ныне зовется Старой Рязанью, тогда ведь здесь жили рязанские князья. Князь же рязанский Олег встретил его с крестами; так и перешла в Рязань муромская епископия; и до сих пор называется она Борисоглебской.

После этого Муром стал входить в епархию рязанских епископов. И епископы с тех пор в Муром больше не возвратились и стали именоваться епископами, на первом месте — рязанскими, а на втором — муромскими. Когда же епископы посещали город Муром, то именовались на первом месте — муромскими, а на втором — рязанскими. Чудесная же та икона, которая епископа Василия перенесла, и ныне находится в Рязани. Он с верою уповал на нее, она же милостью своей прославила его, желая показать беспорочность святого раба, и всего за шесть часов домчала его вверх по реке на расстояние, больше двухсот поприщ.

О Пречистая Божия Мать, какой язык расскажет о твоих чудесах, или какой ум по достоинству восхвалит твои благодеяния, когда ты молишь Сына с Отцом и со Святым Духом о наших согрешениях! Слыша о том, что не ты сама, а написанный образ твой такие чудеса свершил, поражаюсь я в уме своем! Хотел бы подробнее о всем рассказать, но не знаю, что писать, ибо с тех пор прошло много лет, и многое мне осталось неизвестным, и я боюсь, чтобы, рассказывая об этом, не оказаться мне лжецом. Как слышал, так и написал; если же о чем-то, и не до конца разузнав, написал, то уповаю на милостивую помощь владычицы всех — Богоматери, которую следует всем христианам молить, чтобы избавила нас от наветов вражьих всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Правительница

Наставление в землемерии царям, если им угодно

Гласит Соломонова премудрость: «Услышьте, цари, и поймите, научитесь, судьи земных пределов, внимайте, управляющие множеством и кичащиеся толпами народов, что от Господа дана вам власть и сила от Вышнего». Если же поищем мы теперь благоверного царя, ни у одного народа, кроме русского народа, не увидим царя православного. И уж если справедлив

он по вере, то стоит ему без усталости стараться, принимая во внимание то, что к благополучию подданных, заботиться в делах управления не только о вельможах, но и о самых последних. Необходимы вельможи, но вовсе не трудом своим снабжаются они. Необходимы прежде всего земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ — хлеб на литургии в бескровную жертву приносится Богу и в тело Христово обращается. И вся земля потом от царя и до простых людей питается от их трудов. А они всегда пребывают в скорбных волнениях, ибо всегда несут тяжесть не одного бремени. Следовало бы им одно тяглое бремя нести в году, как и всякое животное — и птицы, и звери, и скоты — однажды в год мучается линькой. А земледельцы постоянно поднимают гнет разных работ: то платят оброк деньгами, то ямские поборы, то еще какие. Те, кто из дармоедов направлены бывают к ним за царскими поборами, и те еще много себе с них берут, кроме назначенного для царя, да из-за этих посылок, из-за корма лошадям, ямских издержек много к тому же расходуется денег. Много и других обид земледельцам от того, что царские писари-землемеры ездили с землемерной цепью, наделяя царских воинов землей и всякую четверть полагая по отдельности мерой земли, сильно этим затягивая, проедали много съестного у земледельцев.

О многих царствах мы читали, но такого обыкновения не видели. А видели вот что: когда Иосиф был в Египте, ведя хозяйство Фараона-царя, то во время голода придержал несказанное множество пшеницы. Принимая из рук его пшеницу, египтяне отдали ему все свои сокровища, а когда не осталось ни у кого что дать, то давал им Иосиф пшеницу и возложил на них такую дань, чтобы, когда будет урожай, каждый взял себе четыре части своего хлеба, а пятая часть их хлеба пошла Фараону-царю. И брал он у жнущих пятую часть урожая, но сверх этого ничего не брал. И наконец, у всех народов каждый человек отдает своему царю или владыкам часть плодов своей земли: где родится золото и серебро, там золото и серебро и дают, а где во множестве плодятся многочисленный скот, так скот и дают, а где водятся дикие звери, там зверей и дают. Здесь же в Русской земле не родится ни золото, ни серебро, ни многочисленный скот, но Божьим благословением лучше всего родится хлеб на пропитание людям. Так и нужно, чтобы цари и вельможи в дань с земледельцев брали пятую часть от их хлеба, как положил Иосиф в Египте. Ведь написано, что Иосиф как прообраз Господа продан был в Египет за тридцать Серебреников. Разве же не стоит подражать этому православным царям и вельможам, чтобы в селах своих и деревнях брать с земледельцев от собственного их хлеба пятую часть хлебом же, а сверх того ничего, поскольку невдомек земледельцам, где приобрести золото и серебро? Если же голодные годы, тогда многих мучают, как мы знаем. Разве же заслужили они муку за то, что год доставил малый прибыль? Земледельцев мучают из-за денег, которые поступают в царское распоряжение и даются на раздачу для обогащения вельможам и воинам, а не для необходимости. Для необходимости каждый из вельмож пусть имеет своих земледельцев и довольствуется ими, взимая пятую часть с каждого земледельца и исполняя за это царскую службу. И их земледельцы ради своих вельмож или воинов не должны ничего никому давать, как и ямского сбора.

Нужно тщательно наладить все ямское устройство по росписи от одного города до другого. Те, кто покупает и продает в городах и богатеет от прибыли, те должны взять на себя бремя связей между городами, потому что они собиратели больших доходов. Кроме же этого бремени, пусть не подвергаются они другим повинностям, но, безо всяких пошлин ведя куплю и продажу по городам, пусть поэтому обеспечивают так называемое ямское устройство по росписи от города до города. Так и уменьшится в областях всякое недовольство: уменьшится писарей, отменятся поборы, прекратятся бесчестные прибыли.

А что писари-землемеры меряют четвертями и земледельцев объедают и великую скорбь им причиняют, об этом вот что нужно знать: ради быстроты в землемерии, из-за межевых тяжб и вражды, нужно мерить и наделять в поприщах. Мы имеем в виду, что квадратное поприще — в

длину и в ширину по обеим сторонам в тысячу сажений мужских — нуждается для своего засева в восьмистах тридцати трех четвертях с третью ржаных семян, при трехпольном севообороте таким поприщем назовется поле в двести семьдесят восемь четвертей без полуосьмины, по этой же мере — и два поля.

Это вот поприще удобно дать за поле в двести пятьдесят четвертей или два таких же, поскольку излишек в двадцать восемь четвертей без полуосьмины следует прибавить к каждому полю вместо сенокосных и лесных угодий. Если земли будут чистые, это и лучше, что такой излишек: сняв с него хлеб и продав, купят и сено, и лес. С такой мерой писари-землемеры вдвасятеро быстрее управятся, чем с четвертинной мерой: за те дни, что теперь один город обмеряют, за те же дни смогут десять городов обмерить, потому что четвертинная мера — задержка в скорости, а поприщами сразу все вокруг обмерят. Потому не будет и тяжб о землях: если кто захочет покривить, то обличит его мера, что захватил лишнее и чужое; у кого же будет отнято, мера также обличит, что он обижен.

Так что уместно, чтобы повелели цари учредить обмер земель поприщами, а не четвертями. Если же сам царь во всех городах своих для своих потребностей захочет взять себе сколько-то поприщ и если окажется где в длину и ширину с обеих сторон квадрата по десять поприщ, то и будет по этому счету поле в двадцать пять тысяч четвертей или же два поля такого размера, а кроме того, поле в две тысячи семьсот семьдесят пять четвертей за сено и лес или же два поля такого размера, тогда велит он ежегодно пятую часть хлебного приплода отделять себе, и если даст Бог и родится в земле из зерна пять зерен, то в одном только городе окажется у него двадцать пять тысяч четвертей ржи, а ярового вдвое больше. И если в ста городах будет по стольку, то за один год ржи будет два миллиона пятьсот тысяч четвертей, а ярового вдвое больше. Будет из этого и что продать для скопления денег, и ни один земледелец не будет в слезах и мучениях из-за недоимок, как бывает, когда с земли берут хлеб, с леса зверей и мед, с рек рыбу и бобров. Если же в наделе будет лес, нужно отменить налог медом и зверьми, потому что дадут за это пятую часть хлебом.

Точно так и боярам и воинам нужно давать каждому по его положению поприщами, а не четвертями. Если кто боярского достоинства и заслуживает получить тысячу четвертей, тому нужно дать по этому счету за тысячу четвертей квадратное поле в длину два поприща и поперек два поприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сто одиннадцать четвертей. Если же кто из воевод, кто поменьше, заслуживает получить семьсот пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за семьсот пятьдесят четвертей поле длиною два поприща и поперек полтора поприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в восемьдесят три четверти. Если же кто из воинов заслуживает получить пятьсот четвертей, тому нужно дать по этому счету за пятьсот четвертей поле длиною два поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в пятьдесят пять четвертей с осьминою. Если же кто заслуживает получить четыреста без двадцати пяти четвертей, тому нужно дать по этому счету за четыреста без двадцати пяти четвертей поле длиною полтора поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сорок одну четверть с осьминой. Если же кто заслуживает получить двести пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за двести пятьдесят четвертей квадратное поле поприще в длину и поперек с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в двадцать восемь четвертей без полуосьмины. Если же кто заслуживает получить сто двадцать пять четвертей, тому нужно дать по этому счету за сто двадцать пять четвертей поле длиною поприще и поперек полпоприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в четырнадцать четвертей. Если же

будет где поприще поприщу неравно землю, такое есть и среди людей: бывают одного достоинства, то есть равные, или же имеют некоторые отличия, оказываясь неравны друг другу, так что оценивай по человеку, чтобы лучших наделять лучшими поприщами.

Боярин, воевода или воин, имеющий землю, по своему достоинству имеет достаточно и своих земледельцев. Взимающий пятую часть урожая уже не дает земледельцам семян. Если благоволит Бог и одно зерно родит в земле пять, то тот, кому дано одно поприще, получит с него от своих земледельцев в качестве пятой части двести пятьдесят четвертей ржи, а ярового вдвое больше, и этого будет ему достаточно.

Не следует никому из бояр, воевод или воинов, имеющих своих земледельцев, с других собирать деньги. Ведь если кто велик перед другими воинами, то по своему достоинству получает больше земли, так что и земледельцев приобретает больше, чем другой, вдвое или же втрое, или же всемеро и ввосьмеро. Пусть он так велик, что достоин быть воеводой, но не следует все же ему быть чуть ли не государем рядом с другими воинами. В этом излишнее богатство и гордыня, чтобы, собирая со своих земледельцев достаточный доход, к тому же и с чужих взимать деньги. Ведь если кому нужны деньги на расходы, то имеет он у себя излишек хлеба, продав который городским жителям и тем, кто покупает хлеб, добудет деньги на свои потребности. Как можно хотеть от земледельцев денег и ради этого подвергать их мукам, как нам случается видеть? Они ведь деньги не создали, но хлеб создали. Поэтому нужно брать с них хлеба по правилу Иосифа Прекрасного пятую часть, также нужно брать пятую часть сена и дров.

А на ополчение нужно так являться. Кто имеет царскую дачу на пользование землей в длину и поперек квадратное поприще, тот должен явиться со слугой в полном вооружении. И другим по такому же расчету. Если же царь пожелает, чтобы его войско собралось на ополчение за один день, должен он велеть всем воинам жить не в селах и деревнях, но в городах, чтобы положенное им — хлеб, сено и дрова — получали от своих земледельцев, а сами жили в городах. Поэтому как только поступит к ним царская грамота о военных сборах, тотчас все, узнав, постыдятся друг от друга отстать, но единодушно за один день явятся на назначенную им службу.

Разве же захочет сам царь, чтоб не отвечать ему за всю землю, как всякому человеку за свой дом? Ведь сказал Господь: «Кому больше дано, с того больше и взыщется, а кому дано особенно много, с того особенно много и спросят». И апостол говорит галатам, что блудники и прелюбодеи, и пьяницы не удостоятся царства Божия. Мы же тут видим, что в городе по названию Псков и во всех городах русских — корчмы. А пьяницы в корчмах без блудниц никогда не бывают. Если же не будут уничтожены корчмы, а это есть, как известно, пьянство, распутство холостых, прелюбодеяния женатых, отвечать за это будут те, кто обогащается на этом.

Но смилуйся, Господи, и вразуми нашего царя уничтожить это, и не только это, но и всякое хмельное питье. Ведь если в земле нашей не будет пьянства, не будут блудить замужние, не будет и убийств, помимо разбоя. Но если какой злодей и замыслит разбойное дело, один раз исполнит, другой раз из опасения не исполнит. А эта напасть губит не желая и опасения не знает. Как сойдутся по нашему обычаю на хмельное питье мужчины и женщины, тут же приходят скоморохи, берут гусли, и скрипки, и дудки, и бубны, и другие бесовские инструменты, играют на них перед замужними женщинами, бесятся, прыгают, поют непристойные песни. А жена эта уже сидит от хмеля, как в обмороке, трезвая твердость пропадает, и приходит ей охота к сатанинской игре, так же притом и муж ее распустился и за другими женщинами в мечтах пустился, и взгляды туда и сюда устремляются, и каждый муж чужой жене питье подносит с поцелуем, и тут случается прикосновение руками и сплетение

речей потаенных и дьявольские связи. Ведь женщина испытывает стыд, прежде чем однажды не вкусит, когда же вкусит, больше уже не знает стыда и, привыкнув к этому, становится блудницей. Всякой блуднице впервые дьявольское искушение случается на пьяных сборищах.

И смертоубийство тоже в опьянении. Придя на пир, всякий хочет прежде всего занять почетное место, и если не выйдет это, то, будучи еще трезвым, молчит, но начинает ненавидеть брата своего, сидящего на более почетном месте, и тут уж затаит гнев на него в своем сердце. А когда в опьянении уже потеряет разум, начинает злоумышлять и оскорблять того, осыпая злыми словами, и если тот стерпит, этот снова пристает. Но тот в опьянении тоже не смолчит, тогда случится драка, и один другого ножом заколет. Разве бывает слышно о ножевых убийствах, кроме как в пьяных обществах и игрищах, особенно по праздникам, которые празднуют в пьянстве? Вот две радости дьяволу: в пьяных обществах начало разврата замужним и смертоубийства.

Если же кто из любителей пьянства болтает, что если не будет хмеля, то придется с опресноками служить, такой о себе старается, чтобы самому всегда хмелем закваситься. Тесто квасится не от хмеля, а от всяких дрожжей, а те бывают и нехмельные, ведь не говорит Писание о хлебе, употребляемом на службе, чтоб он перебродил.

Святой апостол Петр поставил в Александрии епископом евангелиста Марка, а от Марка и до сего дня ничуть не обеднели александрийские патриархи паствою, но, наследуя друг другу, служили хлебом, квашенным виноградными дрожжами: нет в них хмеля, и тесто может кваситься нехмельными дрожжами. Если благоволит Бог, следует, чтобы благочестивый царь наказал правителям всех русских городов, чтоб запрещали делать хмельные изделия, от этого упразднится смертоубийство, блуд, пьянство. А еще бы из-за смертоубийств наказать во всех областях кузнецам, чтоб ковали ножи с тупыми концами, и от этого упразднится смертоубийство. Царю же за это простятся грехи и воздадутся в будущем бесконечные блага от Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа во веки веков, аминь.